

Кейтлин Эмилия Новак

ДНЕВНИК
ДЕРЕКА
ДРАММОНА

История моей проклятой жизни

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н72

Новак, Кейтлин Эмилия.

Н72 Дневник Дерека Драммона. История моей проклятой жизни / Кейтлин Эмилия Новак. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с. — (Фэнтези. Дилогия).

ISBN 978-5-04-228275-1

«Дневник Дерека Драммона» — готический роман с атмосферой старинной Шотландии, в котором любовь сталкивается с древним проклятием, а прошлое настигает тех, кто пытается его забыть.

Лорд Дерек Драммон погиб больше века назад — по крайней мере, так говорит легенда. На самом деле он проклят и обречён наблюдать за миром из тени, скрываясь под маской ворона и пряча собственную историю в дневнике.

Но всё меняется, когда в старый замок приезжает Мэган Мак-Кензи — наследница клана, связанного с Дереком куда крепче, чем она предполагает. Чем ближе Мэган подбирается к разгадке, тем чаще тени прошлого оживают вокруг неё. А Дереку предстоит сложное решение — открыть правду или исчезнуть навсегда, прежде чем проклятие заберёт последнее, что ему дорого.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228275-1

© Кейтлин Эмилия Новак, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

*Из дневника Дерек Драммон
10 февраля 1897 года*

Возможно, это глупо. Возможно, обречено на бессмысленность. Но я все же начал писать — не из желания сохранить память, не ради потомков, а потому, что не осталось ничего — ни надежды, ни смысла, ни живой души, к которой можно было бы обратиться. Этот дневник — моя последняя надежда не сойти с ума. Или, быть может, отчаянная попытка найти в собственной исповеди ответы — что пошло не так и есть ли путь назад... Быть может, он станет путеводной тропой к спасению или последним свидетельством того, кем я был, пока не стал «этим». Хотя, если быть до конца откровенным, я уже не уверен, чего жду больше — избавления или конца...

Сегодня 10 февраля 1897 года. Восемь месяцев, как я живу в заточении. Не за решеткой, нет — мои стены куда более древние, мощные и мрачные. Я скрываюсь в собственном замке Касл Рэйвон, в одной из его башен, где время остановилось, а тьма стала моим единственным собеседником. Всего восемь месяцев назад я бы с насмешкой отнесся к мужчине, который ведет дневник и рассуждает о чувствах. Я бы счел это слабостью, меланхолией, прихотью сентиментальной натуры, поскольку я был другим. Я — лорд Дерек Драммон, шотландский горец с гордо поднятой головой, уверенный в себе, — воспринимал охоту в Хайленде, балы в Лондоне и Эдинбурге, приветливые женские улыбки и крепкие мужские рукопожатия как принадлежащие мне по праву. Я входил в зал, наполненный лучшими представителями светского общества, — и все вокруг замирало. Теперь же я сижу в сырой башне собственного замка, в комнате, где свечи трещат от ветра, проникающего сквозь щели, а стены

пропитаны холодом, как в склепе... Мир обо мне забыл. И, пожалуй, это к лучшему.

Я проклят — не абстрактно, не поэтически. Предан проклятию настоящему, древнему, которое впилося в мою душу, словно сгусток тьмы, словно клыки зверя. Его наложила на меня та, кого я любил, — моя невеста Маргарет. Она умерла два месяца назад, а я... я перестал быть человеком задолго до ее последнего вздоха.

Я никогда не верил в легенды Северной Шотландии — ни в ведьм, ни в магию, ни в силу старинных проклятий, — до тех пор, пока страшная древняя правда, спрятанная в сказках, не стала моей реальностью. Теперь я живу в кошмаре, которому нет ни объяснения, ни конца. И никто не может мне помочь. У меня нет больше никого: ни друзей, ни родных, ни той, кого я любил до беспамятства.

Я не знаю, что со мной. Не знаю, кем я стал. И самое страшное — никто другой тоже этого не знает. Все, что осталось миру, — слух обо мне. Говорят, лорд Дерек Драммон исчез в Ведьмину ночь — в ту самую, когда папоротник расцветает лишь на мгновение, чтобы указать дорогу в запретный мир...

Глава 1.

Драммоны

*Из дневника Дерекка Драммона
11 февраля 1897 года*

Откровенно говоря, я даже не знаю, с чего начать свою историю. Вероятно, лучше описать все с самого начала. Поведать, кем я был и как изменился, как ночь стала мне ближе, чем день, а тишина — привычнее человеческого голоса. Кто знает, какие перемены еще произойдут с моим телом и разумом. Может быть, эти записи однажды помогут мне вспомнить, кем я был, и благодаря им я смогу сохранить в памяти свою семью, родителей, когда-то близких мне людей, а главное — удержать то, что делает меня собой, сохранить свою идентичность.

Клан Драммонов, северная ветвь которого стала моим родом, обосновался на этих землях много веков назад. Здесь, на берегу холодного Северного моря, недалеко от города Терсо, стоит наш родовой замок — Касл Рэйвон. Он вырастает прямо из скалистого утеса. Вид из окон замка открывается величественный: суровое бескрайнее море и серое небо будто срastаются в один горизонт. Когда я был ребенком, мне казалось, что башни упираются в небо, а стены помнят дыхание каждого из предков. Они казались вечными, но даже камень может треснуть...

Мои предки были настоящими северными горцами — упрямыми, стойкими, преданными своей земле и крови. Своей фамилией они гордились, и у них было для этого основание.

Мой отец — лорд Дональд Ангус Драммон — был истинным сыном этого края. Его голос звучал твердо и спокойно, во взгляде чувствовалась сила, которую не нужно было доказывать. Он

унаследовал Касл Рэйвон в двадцать пять лет — в том же возрасте, в каком позднее и я стал его владельцем. Он был честным, справедливым, отважным и рассудительным человеком. Я всегда уважал его и стремился быть на него похожим.

Мою мать звали Морат Мак-Кей. Она происходила из старинного рода землевладельцев. Они с отцом поженились совсем юными, и их союз был браком не по расчету, а по любви. Это проявлялось во всем. Их чувства не были показными — они были живыми, теплыми и дарящими тепло, как огонь в камине. Но до моего рождения в их жизни наступили тяжелые времена. Мать дважды теряла ребенка: первый раз на позднем сроке случился выкидыш, второй раз ребенок родился мертвым. Моим сестрам не суждено было увидеть мир. После этого долгое время она не могла снова забеременеть. С ее слов я знал, что тот период стал для них настоящим испытанием. Тоска и горечь потерь легли между ними, и в их жизни появилась тень, которую не могли прогнать ни свет дня, ни тепло домашнего очага.

Чтобы не стать совсем чужими друг другу и не отдалиться навсегда, мой отец принял предложение своего лучшего друга — Дерека Фогеля — отправиться в Ирландию, где вспыхнули волнения. Это решение далось ему непросто, но, как я понимаю, только в нем он видел возможность спасти их с матерью любовь, которая начала тускнеть под тяжестью утрат.

Семья Дерека жила в Шотландии только во втором поколении, родом Фогели были из Германии, поэтому местным жителям его имя казалось чужим. Отец же всегда интересовался европейской историей. Он был человеком начитанным, с живым умом и глубоким уважением к правителям прошлого. Особенно его восхищал Теодорих — король остготов, правивший в V веке, именно в его честь Дерек Фогель получил свое имя. Со временем под влиянием разговорной речи древнее имя Теодорих трансформировалось в привычное Дерек, ставшее популярным среди народов Германии и Нидерландов. Фогель гордился им. Оно означало «владыка народа». И в Дереке действительно присутствовали качества владыки — твердость, верность, благородство.

В одной из стычек в Ирландии мой отец был ранен. Один из бунтовщиков — молодой, обезумевший, с искаженным яростью лицом — занес над ним нож. В тот самый миг Дерек Фогель не раздумывая бросился на защиту. Он закрыл собой отца, был смертельно ранен и умер у него на руках. Отец часто вспоминал тот момент — не как геройство, не как жертву, а как нечто гораздо большее — проявление настоящей дружбы, которое невозможно забыть. Последними словами, которые он произнес Фогелю, были: «Друг мой, твое имя не будет забыто».

Когда отец вернулся домой, он был вне себя от горя. Потеря Дерека Фогеля оставила в его душе глубокую рану, которая, как мне кажется, не зажила до конца его дней. Именно в это время его ждала неожиданная, но радостная весть: моя мать снова была беременна.

Отец не раз вспоминал об этом. Однажды он сказал мне: «В тот день я точно знал, что на этот раз все будет хорошо — у нас будет сын, и наречем мы его Дерекком. Необъяснимое чувство уверенности наполняло меня. В твоём имени, сынок, заключены сила, доблесть и верность. Никогда не забывай этого!»

Тогда же, при этом разговоре, он вручил мне фамильный даггер — нож, передающийся в нашем клане от отца к сыну на протяжении многих поколений. Он был с рукоятью из кости и серебряным ободом, выкован знаменитым мастером. Небольшой, но весомый — не столько оружие, сколько символ. С тех пор я практически всегда носил его при себе.

Что касается моей матери — она, безусловно, была счастлива вновь обрести надежду подарить жизнь после стольких утрат. Но идея назвать ребенка не шотландским именем вдохновляла ее мало. В наших краях, на севере Шотландии, детей называли так, как велит эта земля: Дональд, Дугалд, Дункан, Эван, Арчибальд... Эти имена звучали в стенах нашего замка столетиями. И все же они называли меня Дерекком. В ночь перед моим рождением матери приснился сон, будто к ней явился старец с добрыми, мудрыми, ясными глазами, в которых, как она сказала, «отражалось небо... и все мироздание». Я бы не выразился так поэтично. До сих пор, когда вспоминаю ее слова, начинаю улы-

баться. Старец сказал ей: «Назови его Дерекком — он не будет как другие».

Хорошо, что я начал этот дневник. Я давно не вспоминал тот разговор с матерью, и только теперь, когда вывожу эти строки, вдруг понимаю смысл сказанных старцем слов. Вероятно, это был не просто сон. Это было пророчество. Я действительно уже не такой, как другие... К моему великому сожалению...

Имело ли имя какое-то влияние на мою роковую судьбу? Сложилось бы все иначе, если бы я носил другое имя? Думаю, нет. Маргарет вряд ли сжалилась бы надо мной и не прокляла, если бы я звался, скажем, Арчибальдом. Ох, Маргарет... Ладно, о ней — потом. Сейчас не время, не хочу отвлекаться.

С момента моего рождения я был окружен заботой и любовью. И, пожалуй, даже чересчур — особенно со стороны матери. Потеряв двух дочерей, она словно пыталась уберечь меня не только от реального мира, но и от самой идеи утраты. Когда я начал взрослеть, отец стал брать меня с собой на охоту и учить обращаться с оружием. В те дни, провожая нас, мать возлагала на мой лоб крестное знамение и молилась, чтобы ничего не случилось в лесу, я не оступился, не был ранен по неосторожности, чтобы оружие не обратилось против меня самого. Иногда мне казалось, что она стремится уберечь меня даже от моей собственной тени.

Отец посмеивался над ее тревогами, добродушно подшучивал, но и сам — как бы ни старался воспитать из меня доблестного северного горца — оберегал не меньше. На охоте и во время упражнений с кинжалом или мечом он следил за каждым моим движением, создавал видимость суровости, но за ней всегда стояла забота. Он хотел, чтобы я вырос сильным, но еще больше — чтобы я остался живым.

Да... такими были мои родители. Я помню их любовь, тепло нашего дома, каждый праздник, который мы отмечали всей семьей. Особенно я любил Рождество с торжественной службой в нашей семейной церкви-усыпальнице, что находится в старьях от замка. В те зимние вечера она преображалась: внутри пахло ладаном, свечами и хвоей, и старинные каменные стены не казались такими уж выстуженными, там было спокойно. Но

больше всего в детстве я ждал Праздника папоротника в Ведьмину ночь — это самый большой, самый яркий и интригующий праздник в наших краях. Сколько смеха и веселья с друзьями, сколько костров, загадок, обрядов... Такие радостные ощущения он вызывал во мне вплоть до прошлого года, пока не стал самым страшным днем, нет — самой страшной ночью в моей жизни. Но об этом — позже.

Да, Праздник папоротника... Собраться бы теперь снова с мыслями, чтобы продолжить писать...

Глава 2. Мак-Кензи

*Из дневника Дерекы Драммона
13 февраля 1897 года*

Клан Драммонов — не единственный, кто веками обитал на этой суровой земле. Есть еще один клан — Мак-Кензи, с которым нас связывает не только граница, но и судьба. Наш замок — Касл Рэйвон — был возведен моим предком в те же годы, когда предки Мак-Кензи строили свою крепость — Касл Мэл. Она стоит всего в миле от нашей, в низине у берега Северного моря, где туманы ложатся на землю, как тяжелые покрывала, и гул волн звучит вечной песней предков.

Легенда гласит, что основатели наших кланов были не просто союзниками, а друзьями по крови. Из поколения в поколение передается предание, что между ними существовала родственная связь. Но ни одна летопись, ни один герб не подтвердил этого — только шепот, звучащий у очага. Так или иначе, мы жили бок о бок веками не враждуя. Мы не были просто соседями — мы были почти одной семьей. Связь между нашими кланами была настолько крепка, что мои родители с самого моего рождения мечтали об одном — о союзе, о браке, который навсегда свяжет нашу кровь с Мак-Кензи. И я не винил их за это — в том было что-то правильное, судьбоносное, неизбежное.

Кроме земли, замка и древнего происхождения у Мак-Кензи была еще одна гордость — винокурня. Завод, построенный ими в XV веке, до сих пор работает. И я, как истинный шотландец, с уверенностью могу сказать: лучше виски, чем у Мак-Кензи, не существует во всей Шотландии. Он крепкий, как слово горца, чистый, как вода с ледников, и согревающий, как огонь в сердце.

А еще с этим кланом связана темная история, которая передается из поколения в поколение почти так же бережно, как рецепт их напитка. Говорят, Айден Мак-Кензи, основатель рода, был женат на женщине незнатного происхождения, легенды гласят — на ведьме. Она якобы приворожила его, заставила забыть о невесте из благородного дома, связала его волей, а не любовью. Правда ли это — никто не знает. Нет ни подтверждений, ни опровержений. Только намеки в старинных песнях да взгляды Мак-Кензи, полные предостережений, когда кто-то из них слышит из чужих уст имя Элайзы. С тех пор, как уверяют старейшины, в их роду раз в несколько веков рождается особенный человек — не маг, не пророк, а видящий. Последней такой была Мэри Мак-Кензи. Она жила в XVII веке и, по рассказам, предупредила о пожаре в их винокурне — за три дня до того, как он вспыхнул, спасла жизнь нескольким пропавшим детям, указав, где искать их в лесу, и однажды сказала: «В наш дом войдет проклятие, и случится это из-за любви». Эта фраза врезалась в память рода, как нож в древо. Я всегда относился к этим преданиям с легкой иронией, но теперь... Теперь, когда я сам стал пленником древней тьмы, я больше не смеюсь над легендами. Иногда именно в них прячется правда, которой боится история.

По мере моего взросления все вокруг будто подталкивало меня к неизбежному. Клан Мак-Кензи возглавлял Каллум Мак-Кензи — достойный и уважаемый человек, крепкий, как гранит, и молчаливый, как большинство горцев в возрасте. Именно ему принадлежал Касл Мэл. У него было двое детей — сын Гордон и дочь Маргарет, которым по праву наследия предназначалось однажды принять замок и винокурню. В доме Каллума жил и младший брат — Эндрюс Мак-Кензи. Судьба его сложилась драматично. Жена умерла, когда их единственная дочь была еще младенцем. Он растил ее в одиночестве — с суровой заботой и беззаветной преданностью. Эту девочку звали Элеонор.

Мы с Элеонор были почти ровесниками, и потому все мое детство, день за днем, связано с ней, как будто нас вместе вплели в ткань судьбы. Мы бродили по лесам, по вересковым полям, прятались в развалинах старых капищ и ловили солнечных зай-

чиков в ручьях. Элеонор всегда была красива, но красота эта была не надменной, как у столичных девушек, а естественной, природной. Волосы — цвета спелой пшеницы, глаза — большие, голубые. С самого детства в них жила бесстрашная нежность, которую можно почувствовать, но трудно описать. Элеонор всегда смотрела на меня так, как никто другой.

Помимо двух замков в наших краях есть небольшая деревня. Мы с Элеонор всегда были вместе, но не одни. С нами носились по лугам и лесам наши друзья — Хью и Арчи, веселые, шумные, вечно выдумывающие новые игры, чтобы не терять ни единого часа короткого северного лета. Они часто подшучивали над нами и уже с шести лет называли женихом и невестой, а мы только смеялись. Тогда это казалось забавным, ведь Элеонор была для меня как член семьи — как сестра. Когда мне исполнилось восемнадцать, я понял, что больше не вижу в Элеонор сестру. Я начал смотреть на нее как мужчина и уже собирался сделать предложение, но судьба внесла свои коррективы. Моих родителей пригласили на бал, устраиваемый для знати в Эдинбурге, и мы отправились туда на сезон. Я думал — вернусь, все скажу, объявим о помолвке...

Узнав, что я уезжаю, Элеонор заплакала. Впервые она показала свои истинные чувства и сказала, что любит меня. Я замер, потом хотел обнять ее, уверить, что ее чувства взаимны, но слова застряли в горле — что-то необъяснимое удерживало меня. Три года назад я сказал ей, что она мне как сестра. Мне было пятнадцать, и тогда мысли о женщинах были мне чужды. Я жил охотой, верховой ездой и фехтованием. После того разговора Элеонор скрывала свои чувства — боялась быть отверженной. Когда же ее сердце открылось передо мной, я был готов ответить, однако смог произнести лишь:

— Мне жаль. Не плачь. Я скоро вернусь...

Глава 3. Необузданная страсть

*Из дневника Дерекы Драммонд
14 февраля 1897 года*

Это был не первый мой визит в Эдинбург с семьей, но впервые я прибыл туда как мужчина — не как ребенок под присмотром родителей, а как юный лорд, перед которым открылись двери большого мира. Началась череда балов, вечеров, приемов — светская жизнь ворвалась в мою реальность как вспышка — ослепительно, ярко, соблазнительно. Хрустальные люстры и зеркала наполняли залы игрой света, женщины блистали в шелках и драгоценностях. От калейдоскопа цветов и ароматов у меня буквально кружилась голова.

Я всегда знал, что красив — мне говорили об этом и люди, и зеркала: высокий рост, атлетическое сложение, темные волосы, утонченные черты. Однако только красота не могла объяснить того, что происходило в Эдинбурге. Эффект, который я производил на благородных дам, оказался сильнее, чем я мог представить. Стоило мне войти в зал — и все взгляды обращались ко мне, разговоры прерывались. Я чувствовал внимание, как жар на коже. Женщины тянулись ко мне, как мотыльки к пламени. И я не смог устоять...

Я забыл об Элеонор так быстро, будто совсем и не знал о ней. Все то, что начинало рождаться в моем сердце, оказалось сметено первым вихрем эдинбургских салонов. Я упивался вниманием, вереницей событий, свободой. Мы с отцом посещали закрытые джентльменские клубы, где в туманах сигарного дыма говорили о политике, биржах, связях. Я завел новых знакомых, наставников — старших товарищей, которые учили меня тонкостям светской жизни.